

**Перцов Владимир Валерьевич (род. 1933) –
Заслуженный художник России, Заслуженный деятель искусств, профессор
Московского государственного академического художественного института им.
Сурикова и Московского полиграфического института.**

Умное делание

Когда-то два милых пожилых человека, брат и сестра, дети замечательной русской художницы Зинаиды Серебряковой, в ее необыкновенном доме-мастерской в Париже сказали мне: «У вас умное искусство». Я, конечно, не слишком обольщаюсь деликатной участливостью добросердечных старых художников, но их комплимент мне памятен и дорог. «Умное искусство», «умное делание» вообще — в основе созидания; несущее общее благо соединение чувства и ума в добром и прекрасном — в этом отличие человека от всего тварного мира.

И мне повезло — с младости я был близок именно с «умными» художниками. Таков был кумир моего детства — мой дядя Владимир Михайлович Голицын, замечательный детский художник двадцатых-тридцатых годов, погибший в лагере под Свияжском. Он был художник и в жизни, творец, светящийся добром. И его искусство тоже было средством выражения ума, таланта, остроумия, желания рассказать и показать, принести радость и знание. Чудо рисования, волшебство изображения — я был этим околдован. Он обладал необыкновенной душевной контактностью — и в жизни, и в своем искусстве. Он был влюблен в море, и море стало главным мотивом его творчества — книги о море, морские путешествия и сражения, всех времен и народов...

Первой художницей в нашем роду была прабабушка. Она дружила с Поленовым, Серовым, Коровиным, и сама писала пейзажи. Даже расписала притвор церкви в имении. Ее портрет кисти К.А.Коровина сейчас висит в Третьяковской галерее. Художницей была и моя мама, Екатерина Михайловна, урожденная Голицына, представительница древнего княжеского рода. Она была художником-оформителем музеев и выставок. Ее искусство — в создании гармоничного и занимательного ансамбля, ясного образа того, чему посвящена экспозиция, в красоте и логике организации всего, из чего она состоит. А мой отец был химик, его работы того времени актуальны и сейчас — но душа его жила в музыке: он прекрасно играл на фортепиано. И сыновья мои — один художник, другой музыкант, братья же — химики, крупные ученые, профессора. А еще отец был влюблен — кроме моей мамы, разумеется — в Древнюю Грецию, он собрал большую библиотеку, переводил поэзию, изучал философию, писал исторические обзоры. Отец погиб под Москвой. Помню его последний поцелуй в утренней дреме моего дня рождения 7 июля 1941 года.

В школьные годы я почти сошел с пути искусства — спорт, друзья, двор. Хватило ума опомниться и пойти в Полиграфический институт — спасибо хорошему человеку и живописцу Сергею Тутунову, твердо и в короткий срок пустившему меня на путь истинный. Многие годы я был близок с Владимиром Андреевичем Фаворским, художником-философом, добрейшим и умнейшим человеком — он жила у нас на даче или по соседству. Не могу простить себе тогдашнего легкомыслия — проводил время на волейбольной площадке, теннисном корте, в реке — а мог бы вкусить мудрости и знания. Владимир Андреевич был необыкновенно доброжелательным человеком, а я не воспользовался

должным образом этим подарком судьбы. И все же я считаю себя его учеником. Его учение для меня — это всеобъемлющее объяснение проблем искусства изображения.

Я благодарен дружбе и участию таких глубоко мыслящих и тонко чувствующих художников, как мой двоюродный брат Илларион Голицын, с детства даривший меня своей дружбой, Иван Бруни, Май Митурич, Валерий Алфеевский, Георгий Якутович, Лев Токмаков, моих закадычных друзей Вениамина Лосина, уже, увы, умершего Евгения Моница, также Виктора Чижикова, Валерия и Александра Трауготов, всех вообще детских художников моего поколения. Мы всегда очень дружно жили: мне кажется, все они — художники «умного» искусства.

Свою первую книжку мне назвать трудно. Сначала делал маленькие книжечки, рисуночки в журнал «Мурзилка» и в разные сборники, потом делал уже большие, но тонкие книжки про веселых октябрят — я еще в институтские годы много рисовал детей с натуры: в скверах, в парках, дома. Но как-то в доме творчества сделал четыре листа к повести Бориса Шергина «Ваня Датский», они понравились в «Малыше», и из них потом сделалась книжка, но еще раньше мне заказали былинку «Садко» в чудном пересказе А. Нечаева. Это моя первая книжка, которой не стыдно. И с тех пор моя главная тема — русская история. Делал я и былины, и русские сказки, но они для меня тоже история — дописьменных традиций, когда поэтический и фантастический момент вводится древним автором, или авторами — каждый последующий исполнитель был и соавтором — для лучшего запоминания, система бесконечно далеких «доисторических» времен. Но я делал и много других книжек.

Сколько себя помню, я всегда рисовал. И почти всегда это были иллюстрации. Обычно про войну — переход Суворова через Альпы, рыцари Вальтера Скотта или русские богатыри. Я нарисовал уже всю русскую историю, от Владимира Святого до Отечественной войны. Вся наша история в изложении советских историков — это войны, сражения, бунты. Я столько людей поубивал в своих картинках, что в какой-то момент не смог больше это рисовать. Мне казалось, что есть другая русская история, не разлада и борьбы, а Лада и созидания. И не найдя нужных мне текстов, я их стал писать сам. У меня есть компьютер, и я на нем пишу книжки. У меня были задуманы сорок книжек, одинакового объема и формата — «Рассказы о русских святых», над которыми я работал на протяжении последних 20 лет. Еще у меня есть путеводитель по Подмосковию, он уже три раза издавался, потом путеводитель по соседним областям, написал часть книжки «Искусство рисунка», разные статьи на темы искусства, истории, краеведческие очерки, воспоминания о семье и о близких мне людях.

Я художник детской книги. Это живописец может позволить себе нравиться только себе или, может, еще тому, кто купит его картину. Моя работа должна понравиться сотням тысяч, всем. Но я не хочу для этого делать что-то мне чуждое или претящее — я должен быть интересным и увлекательным собеседником для юных читателей, да и не только для них. Быть на высоте современных проблем искусства — и в то же время внятными и нужными своей аудитории, не хамить и не фальшивить, но и не сюсюкать и не обманывать.

Владимир Перцов